

18. Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. - Владимир, 1981; Жовтис А.Л. Стих в поговорке. / В кн.: Русское стихосложение. Традиции и проблемы. - М., 1985; его же. Стих русской загадки. / В кн.: Проблемы теории стиха. - Л., 1984.
19. Евтушенко Е. Ответы на анкету А.Киреевой. Поэзии парное молоко. Юность, 1987, № 2.

Аркалыкский пединститут

Г.Н.Токарев

"ПАМЯТНИК" В.ВЫСОЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Как известно, литературным источником ко всем последующим "Памятникам" является одноименное стихотворение Горация. По словам Л.Пумпянского, "Памятников" написаны были сотни: французских, итальянских, английских, немецких" /1,136/. В русской же литературе существует всего три стихотворения, навеянные горацианской темой - Державина, Пушкина и Брюсова.* И тем не менее, по мнению того же Л.Пумпянского, "ни в одной литературе Горацийев "Памятник" не сыграл такой роли, как в русской" /1,136/.

Правда, роль эта целиком относима только к классическому периоду русской поэзии - с 1796 года от державинского до 1912 года до брюсовского стихотворения. В литературе советского периода эта тема исчезла, традиция по сути дела прерывается. Не случайно, что Маяковский, когда ему предоставилась удобная возможность в стихотворении "Юбилейное", с грубоватым сарказмом отринул идею памятника в принципе: Мне бы памятник

при жизни
полагается по чину,

Заложил бы динашиту-

ну-ка, дрызны!

* Мы имеем в виду самостоятельные стихотворения, где от Горация есть только общая идейно-тематическая направленность, а не переводы древнеримского оригинала, которых немало в нашей литературе. Перевели Горацийев "Памятник" Ломоносов, Капнист, Введенский, Фет, Семенов-Тянь-Шанский и др. У того же Брюсова кроме собственного "памятника" есть два перевода.

Не ненавижу всяческую мертвечину,
Обожаю всяческую жизнь.

Думается, дело тут не только в жизнелюбии, оптимизме и личной скромности Маяковского, т.е. в osobовенных персональных качествах поэта. Причина здесь гораздо более глубокая.

В своем точном и скрупулезном анализе пушкинского "Памятника" Л. Пумпянский определил доминирующую тему горациева оригинала, как "внутренний спор о долговечности и превосходстве певца с властью... оппор о властью великой Империи" /I, 140/. Правда, у Горация этот спор только о долговечности. Римская империя и его поэзия ни в каком другом аспекте или смысле не являются оппонентами. Более того, поэтическое бессмертие здесь определяется вечностью государства: "... и славный мой венец все будет зеленеть, доколе в Капитоле с безмолвной девой верховный ходит жрец" (пер. Фета). Если можно так выразиться, у Горация "спор" поэзии с властью не выходит за рамки конфликта "хорошего с лучшим".

Принципиально новое развитие этот спор получает в русской поэзии. Державин, начав, казалось бы, с традиционного перевода, коренным образом, начиная с восьмой строки своего текста, преобразует суть горацианской идеи. Дело не в том, что он сменил "Капитолий" на "род олавян", а в том, что в его стихотворении в спор о долговечности вкраплены уже социальные мотивы. В державинской оде это, действительно, пока еще только вкрапления, штрихи, намекающие на то, что Музе дано не только увенчивать себя лаврами и пить из чаши славы, но и бороться с презрением, преодолевать известное сопротивление общества и государства. Пока, повторим, это штрихи, но достаточно выразительные и явные, чтобы Л. Пумпянский заключил по поводу державинского стихотворения: "тень дуэли 1837 года уже пала на одну Горация" /I, 146/.

Пушкин, внешне оставаясь в рамках горациевой формы и стилистики, по сути дела выстроил свой "Памятник" именно на том, в чем Державин ушел от Горация: на теме социальной роли и функции поэзии. От чистого эстетизма и художественных критериев Горация как важнейших достижений поэзии у Державина еще сохраняется след в строке "первый я дерзнул в забавном русском слоге...". У Пушкина — и тени этого следа не отыскать. Более того, вспомним, как существенна была пушкинская "Памятник" вставка в него стро-

ки, придуманной Жуковским: "что прелестью живой стихов я был полезен". Примечателен мотив, по которому Жуковскому пришлось фальсифицировать Пушкина (вдобавок к этому он же заменил "Александрийский столп" на "Наполеонов"): "Жуковский, имея основания предполагать, что подлинный текст стихотворения в полном и неповрежденном виде не будет пропущен цензурой, переделал пушкинские стихи... и тем самым искажил их прямой и очевидный смысл" /2,8/. Показательно, что сам Пушкин уже в черновике забраковал двустишие: "И долго буду тем любезен я народу, что звуки новые для песен я избрал".

Как видим, свою поэтическую заслугу перед обществом и, главным образом, перед потомками Пушкин усматривал в нравственном, социальном, гражданском пафосе своего творчества. В пушкинском "Памятнике" спор поэзии с государством — это уже спор политический, пушкинская Муза находится в безусловной оппозиции к государственной власти и несмотря на ее давление сохраняет независимый, самостоятельный голос. Символично, что самая первая и единственная сущностная характеристика своему нерукотворному памятнику у Пушкина — "непокорный": "Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа". Отсюда и опасения Жуковской, что цензура не пропустит в печать пушкинского стихотворение.

Брюсов в своем памятнике вовсе не продолжал пушкинскую мысль, а свел дело опять к "чистому искусству". Это и дало основания Л. Пумпянскому заключить, что "Памятник" Брюсова — "пример грубого непонимания действительной темы "Памятника" /I, 138/.

Таким образом, когда мы говорим о соответствующей литературной традиции в русской поэзии, то под этим надо понимать собственно только пушкинский "Памятник" (и как подступ, прелюдию к нему державинскую оду).

Теперь становится возможным объяснить, почему мощное, животворищее пушкинское поэтическое наследие (Д. Самойлов: "Пушкин-явление живое, непрекращающееся, питающее нас и сегодня")^{*} в советской литературе именно здесь всходов не дало. Для советской поэзии немыслима тема спора с властью в любом аспекте. Вот, наверное, почему Маяковский в принципе отверг саму идею пушкинского "Памятника". И Маяковский и другие советские поэты свое

^{*} Нравственный смысл истории. "Вопросы литературы", 1987, № 6, с. 148.

назначение видели как раз в обратном: в укреплении государственной власти, ее пропаганде поэтическими средствами. Здесь скорее наблюдается возрождение горациевых мотивов, чем пушкинских: поэзия, ее слава, сила, долговечность и значимость органически связаны и прямо пропорциональны славе, силе, долговечности Советского государства, нового общества. "Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм". Вот такой и только такой допустимый вариант памятника.

Встать на пушкинскую в данном вопросе позицию и противопоставить себя и свое творчество веку, времени, говорить о своем индивидуальном памятнике как о "непокорном" противовесе общественным нормам и тенденциям не могло никому и в голову прийти уже хотя бы потому, что поэзия в новом обществе стала элементом общегосударственной культурной политики.

Естественно, что говорить о том, что в советское время не было конфликтов между государственной властью и личностью художника, нельзя. Конфликты были, и многочисленные. Вспомним хотя бы Пастернака и Ахматову, Мандельштама и Заболоцкого, Бродского и Твардовского. Прервем перечисление, ибо не в количестве имен дело, а в том, что казавшийся ранее незыблемым и аксиоматичным тезис о единстве государства и художника в наших условиях оказывается не таким однозначным.

Вот что пишет П. Ульяшов: "Каждое государство, естественно, озабочено тем, чтобы его ценности — экономические, социальные — подкреплялись духовным, талантливым словом писателя. В прошлом принято было, однако считать, что художник и государство — антиподы. Исторически это было верно и справедливо. Социалистическое государство, казалось бы, сняло ранее непреодолимую преграду, устранило противоречие. Это в теории. Но на практике люди, осуществляющие государственную власть не застрахованы от ошибок. И, как показала история, на определенных этапах нравственные поиски творца и государственные устремления могут не совпадать, образуя своего рода "ножницы" /3,7/. Следовательно, объективная основа по крайней мере, у вышеназванных поэтов для создания своего "Памятника" была, однако никто из этих поэтов первой величины его не создал.

Вот тут мы подходим к самому, пожалуй, главному — для того,

чтобы написать "Памятник" (в пушкинском ключе) мало быть выдающимся стихотворцем. Недостаточен также и один лишь факт конфликта-расхождения с властью, государством. Важно, чтобы художник в данном конфликте был не жертвой, не беспомощным и безмолвным объектом травли или репрессий, а стороной активно сопротивляющейся, продолжающей публично и стойко идти наперекор власти предрешающим, сохраняя свой художественно-нравственный облик, свою независимость, свое место в ходе культурного процесса, разумеется, не идя при этом ни на малейший компромисс.

Конечно, для этого помимо собственно личности художника необходимо еще и наличие соответствующих социально-политических условий, специфичная общественная ситуация, когда противостояние поэта власти оказывается возможным, если уж не полным, то хотя бы частичным, по каким-то отдельным аспектам.

Когда в 60-70 годах такая ситуация в нашей стране возникла, то вакуум в данной сфере пушкинской поэтической традиции сразу же заполнился и новый "Памятник" появился. "Памятник" Высоцкого. На первый взгляд, ничего общего с Пушкиным этот "Памятник" не имеет. И это понятно, ибо странно было бы ожидать, что спустя полтора столетия после Пушкина советский поэт будет буквально повторять классический образец.

И стиховая форма, и стилистика - все здесь иное, резко отличное от пушкинских параметров. (Нужно заметить, что как раз совпадение в этом плане Высоцкого с Пушкиным было бы либо откровенной стилизацией, либо демонстрацией патологической амбициозности и клинической претенциозности).

И все же есть все основания утверждать, что "Памятник" Высоцкого - есть прямое продолжение традиции пушкинского "Памятника" - продолжение по духу, глубинной идее и тематической направленности.

Все "Памятники" классической традиции - и Горация, и Державина, и Пушкина, - это итоговые произведения, где авторы подводят итог жизненному и творческому пути. В этих "Памятниках" поэты не тщеславия ради занимаются перечислением своих добродетелей, а для объективного обоснования справедливости и заслуженности возведения собственных памятников. В этих "Памятниках" причинно-следственная цепь как бы замкнута: условия "задачи", доказательст-

ва, аргументация и вывод — всё это уместается в рамках одного текста. В этих "Памятниках" сформулировано, собрано воедино все самое важное, самое выдающееся, самое характерное для поэзии каждого автора. Поэтому нередко эти "Памятники" называют манифестами, или программными стихотворениями, каждого автора.

В "Памятнике" Высоцкого разворачивание идейно-образной структуры иное. Здесь причинно-следственная цепь разомкнута — в этом "Памятнике" нет изложения причин, а есть только констатация следствия. Поэтому "Памятник" Высоцкого в отличие от классических назвать манифестом нельзя.

У Высоцкого много других "манифестальных" песен, где либо в открытую ("Я не люблю"), либо в образной форме ("Горизонт", "Охота на волков", "Бег иноходца", "Чужая колея", "Песня певца у микрофона" и др.) декларируется его кредо, его мировоззренческие принципы, понимание своего места и назначения в жизни.

При всем содержательном разнообразии манифестов Высоцкого их объединяет один мощный стержень — неприятие лжи, фальши, лицемерия, двоемыслия в любом их проявлении ("Ни единою буквой не лгу..."). Этот-то стержень и стал идейно-нравственной доминантой "Памятника" Высоцкого. В этой песне в предельной степени сконцентрирована, сформулирована мысль об активном противодействии лжи и фальши.

Эта предельность, абсолютность достигается тем обстоятельством, что восстает против лжи мертвец, точнее, гранитная фигура надгробного памятника. В этой песне Высоцкий как бы опровергает известную формулу "Мертвые сраму не имут". Вакханалия приглашения, искажения реального облика, когда даже "мой отчаяньем сорванный голос современные средства науки превратили в приятный фальцет" воспринимается умершим не только как торжество лжи, но и как личное оскорбление, срам, чего он не в силах перенести.

Не случайно в стихотворении возникает образ Командора, чье каменное изваяние во многих литературных произведениях от Мольера до Блока отправляется с кладбища защищать свою поруганную честь. Однако при общей и для Командора и для статуи Высоцкого цели — защите собственной чести — есть и важное различие в тех мотивах, которые заставляют их шагнуть с пьедестала.

В "командорском" случае — это единственно адюльтер, оскорбленное достоинство не собственно даже человека, а именно мужа.

В "Памятнике" же Высоцкого надгробная фигура оживает из-за невозможности вынести отвратительную и оскорбительную процедуру "наведения хрестоматийного глянца". Интересно заметить, что у Маяковского в стихотворении "Юбилейное" статуя Пушкина молчаливо и безучастно взирает на то, как образ поэта и его творчество лакируют и приукрашивают.

А вот у Я. Смелякова в стихотворении "Монумент" чугунная фигура сходит с пьедестала только для того, чтобы приветствовать свою бывшую возлюбленную. Таким образом, в "Памятнике" Высоцкого, как видим, происходит зарождение новой темы — бунт памятника против лжи, уход с пьедестала для защиты собственной гражданской чести. Здесь необходимо отметить, что посмертный бунт — это акция не внезапная, не спонтанная, не самопроизвольная. Это естественное продолжение прижизненного поведения поэта, суть которого изложена в самых первых строчках "Памятника": "Я при жизни был рослым и стройным, не боялся ни слова, ни пули, и в привычные рамки не лез..."

О расправе — моральной или физической — здесь упомянуто не для красного словца. В песне "Я бодрствую..." Высоцкий пел:

Я бодрствую, но вещей сон мне снится,
Цилюли пью — надеюсь, что усну,
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спица.

Вот она, та главная причина, следствием которой и стало создание "Памятника" — четкое понимание своей реальной альтернативности официозу и осознание исторической необходимости своей гражданской и художественной миссии.

Естественно, что говоря о "Памятнике" Высоцкого было бы несправедливо не сказать о том, что здесь помимо идеи бунта против лжи и фарисейства, присутствует и идея общефилософская о поезде жизни над смертью, суть которой проявляется в том, что человек оказывается сильнее неопытия — ведь даже сама его смерть становится результатом его волевого усилия — "когда взял я да удар". Этот очень знаменательный тематический мотив, являющийся причём-таки сквозным для всего Высоцкого здесь, однако, вторичен.

Последние строки этого произведения безусловно и однозначно резюмируют центральную мысль "Памятника" — открытое, декларативное, демонстративное отрицание укоренившихся в обществе безразличных критериев в норм поведения и жизни.

Именно поэтому есть все причины утверждать, что принципиальным идейно-тематическим основанием, каркасом всей художественной структуры этого произведения Высоцкого является пушкинский мотив "непокорной главы", когда непокорство это направлено против "александрийского столпа", т.е. против того или иного символа или ипостаси государственной власти.

Может быть, как раз в "Памятнике" Высоцкого спор поэта с властью (что, напомним, по словам Пумпянского есть центральная проблема всех "Памятников") доведен до наибольшей остроты и степени конфликтности. Высоцкий не просто использует, эксплуатирует традиционную тему, но и существенным образом развивает ее.

Кстати, элемент новаторства и развития можно увидеть уже в том, что, если все "Памятники" до Высоцкого писались в конце жизни, а пушкинский был впервые опубликован после смерти автора, то "Памятник" Высоцкого был написан и обнародован задолго до его смерти — в первой половине семидесятых годов. Это обстоятельство придает "Памятнику" Высоцкого особое гражданское мужество.

1. Пумпянский Л. Об оде А.Пушкина "Памятник". "Вопросы литературы" 1977, № 8.
2. Алексеев М. Стихотворение Пушкина "Я памятник себе воздвиг..." -Л., 1967.
3. Ульяшов П. Почему не получил премию Гоголь?. Литературная газета. 26 августа 1987.

Казахский пединститут им.Абая